

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2021.32.36.044

Конфискация и взыскание преступного имущества: современное состояние Европейского Союза

Зотова Евгения Александровна

аспирант Департамента экономической безопасности и управления рисками Факультет экономики и бизнеса
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125468, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: EAZotova@fa.ru

Николаев Дмитрий Александрович

кандидат экономических наук, доцент
доцент Департамента экономической безопасности и управления рисками Факультет экономики и бизнеса
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125468, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: DNikolaev@fa.ru

Фешина Стэлла Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент Департамента экономической безопасности и управления рисками,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49;
e-mail: SSFeshina@fa.ru

Аннотация

С конца XX века уголовная политика претерпела существенные изменения, определив новый вектор глобальных усилий в борьбе с преступностью. Эти стратегии борьбы с преступностью отказываются от традиционных подходов к борьбе с незаконным поведением в пользу нового парадигматического сдвига в сторону стратегии возвращения активов. Вновь созданные механизмы нацелены на борьбу с преступниками там, где они больше всего страдают, то есть с их собственностью, с тем чтобы преступность не окупалась. В данной статье кратко анализируются рождение и эволюция современных механизмов конфискации, а также преобладающие модели эффективного возвращения преступной собственности и современное состояние дел в данном вопросе в Европейском Союзе. Авторы также акцентировали внимание на вопросе презумпции невиновности при вынесении решений о внесудебной конфискации имущества, обозначив эту проблему и подходы к ее пониманию в США и странах Европейского союза.

Для цитирования в научных исследованиях

Зотова Е.А., Николаев Д.А., Фешина С.С. Конфискация и взыскание преступного имущества: современное состояние Европейского Союза // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 10А. С. 369-377. DOI: 10.34670/AR.2021.32.36.044

Ключевые слова

Возвращение активов, расширенная конфискация, конфискация без вынесения обвинительного приговора, гражданская конфискация, необъяснимое богатство, взаимное признание, Европейский Союз.

Введение

На протяжении последних десятилетий в научной литературе все чаще рассматривается взаимосвязь между противоправным поведением и обогащением. Все чаще признается важность финансового элемента преступности. Деньги и преступность стали неразрывно связаны. Лишение криминала финансовой поддержки стало центральной определяющей характеристикой современного контроля над преступностью. В рамках этой новой атаки на криминальные финансы происходит драматическая трансформация [Gallant, 2005]. Правоприменительная практика, направленная на лишение неправомерно нажитого имущества (дохода), стала актуальной во всем мире.

Основное содержание

На фоне постоянно развивающегося финансового мошенничества все больше и больше внимания сосредотачивается на активах, а точнее на законности их происхождения, нежели на самом человеке. Такой подход позволяет решать проблемы неэффективности традиционных мер уголовного правосудия в отношении преступлений, связанных с приобретательством. При этом цель достигается с помощью двуединой стратегии, основанной на подходе «следуй за деньгами»: с одной стороны, расширяется число уголовных преступлений, так как происходит криминализация отмывания денег, финансирования терроризма и даже криминализация необъяснимого богатства; с другой стороны, создаются и расширяются механизмы возвращения активов, в том числе и посредством их замораживания, ареста и конфискация. Оба направления дополняют друг друга с точки зрения контроля за незаконными потоками и соответствующим им преступным поведением. Фактически законодательство о конфискации доходов от преступной деятельности и различные положения о борьбе с отмыванием денег появились одновременно и с тех пор развивались рука об руку. Хотя криминализация незаконных потоков не должна игнорироваться для эффективной политики борьбы с преступностью, в данной статье основное внимание уделяется второму направлению подхода «бумажный след» – стратегии «возвращения активов».

Конфискация преступного имущества главным образом направлена на две его формы: орудия и доходы от преступлений. Иначе говоря, «орудия» преступления – это имущество, используемое или предназначенное для использования каким-либо образом для совершения уголовного преступления. «Доходы» означают любую экономическую выгоду, полученную прямо или косвенно от преступления. Есть и редко упоминаемый третий тип конфискуемого имущества – «контрабанда», то есть незаконные товары, которыми нельзя владеть и которые

нельзя производить, и они должны быть изъяты из экономики.

С исторической точки зрения основное внимание первоначально уделялось орудиям преступления и контрабанде. Только за последние полвека западноевропейские законодатели под влиянием США стали целенаправленно бороться с доходами от преступлений, приняв новые законы о конфискации. По состоянию на сегодняшний день лишение беззаконников их неправомерно нажитых доходов – одно из главных направлений борьбы с преступностью во всем мире. При этом акцент на орудиях преступления выходит на передний план в рамках так называемого подхода «последующие деньги» с целью предотвращения использования денег в преступных целях, особенно в области финансирования терроризма.

Риторика современной конфискации основывается на трех предпосылках: преступники мотивированы прибылью, и нужно ударить их там, где им будет больно; значительные доходы могут быть получены от преступлений и поэтому доступны для восстановления; традиционные нормы права могут быть неэффективны в части их применения, особенно в рамках преступлений, связанных с приобретательством [Dorn, Murji, South, 1992].

Рассматривая функции конфискации, необходимо прежде всего отметить карательную цель любой конфискации. Большинство правовых систем установили конфискацию как форму уголовного наказания. Приговор с лишением свободы может быть воспринят как существенная экономическая санкция в отношении ответчика. Уже давно утверждается, что конфискация недвижимости, предметов роскоши и денег оказывает, порой, воздействует на правонарушителей более значительно, чем тюремное заключение [Feldman, 1991].

Другой основополагающей функцией конфискации сегодня является сокращение или контроль преступности посредством сдерживания. Сдерживание или профилактика направлена на то, чтобы субъект отказался от совершения дальнейших правонарушений [Fernandez-Bertier, 2016].

Общее сдерживание направлено на то, чтобы отговорить общество в целом от участия в противоправном поведении. Общая сдерживающая функция конфискации предполагает, что, если преступление не окупится и если правонарушителям не будет позволено сохранить свои неправомерно нажитые активы, у них будет меньше и стимулов, и шансов заниматься незаконной деятельностью [Finkelstein, 1973].

Функция конфискации также считается исправительной в том смысле, что она направлена на восстановление status quo путем изъятия незаконного имущества [Gallant, 2005]. Наконец, конфискованные средства и активы могут быть использованы для выплаты компенсации жертвам с целью восстановления их прав, а также включены в доходную часть государственного бюджета, что особенно важно во время кризиса [Harvey, 2014].

Конфискация преступного имущества существовала практически всегда. Тем не менее, всплеск законодательных инициатив в этой области произошел в конце XX века.

В начале 1970-е года в США укрепляется законодательство в отношении криминальной собственности и, в частности, в отношении доходов от преступлений. Изначально данное законодательство развивалось как новое средство эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. Конгресс США решил использовать конфискацию в качестве способа борьбы с неэффективностью традиционных форм наказания, так как в то время осужденные могли наслаждаться своими неправомерными плодами, как только они выходили из тюрьмы. Кроме того, в преступных организациях (включая торговлю наркотиками) сразу же появились новые люди, которые заменили осужденных преступников, практически не оказав влияния на само предприятие.

Конфискация, таким образом, направлена непосредственно на подрыв основ организации, «источника экономической мощи» преступного предприятия [King, Walker, 2015]. Основная идея борьбы с незаконными доходами заключалась в том, что «преступность не должна окупаться».

Спустя десятилетие после американского импульса, в начале 1980-х годов была осуществлена разработка соответствующего законодательства и в ограниченном числе европейских юрисдикций, таких как Италия и Великобритания.

Италия столкнулась с теми же социальными и экономическими бедствиями, что и США, а именно с глубоко укоренившимся присутствием организованной преступности и наркотрафика [Montaldo, 2015]. Политическое стремление к преследованию преступных активов было развито в ответ на рост незаконного оборота наркотиков в Великобритании и за ее пределами. До конца 1990-х годов Европейскому Союзу потребовалось решить вопрос о необходимости согласования мер по замораживанию и конфискации между государствами-членами.

Как только были приняты первые национальные законы о конфискации доходов, наднациональные и национальные законодатели западного (и Европейского) сообщества осознали потенциальные выгоды от преследования преступных денег. Поэтому в 1990-х годах большинство юрисдикций приняли решение распространить конфискацию на орудия и средства получения доходов от любых преступлений, связанных с приобретательством (не ограничиваясь наркотиками и организованной преступностью).

В начале 2000-х годов, после начала президентом Бушем «войны с терроризмом», движение по возвращению активов было еще более расширено за счет целенаправленного использования средств, направляемых на финансирование терроризма. На территориях штатов произошел сдвиг парадигмы поиска преступных денег. Произошел пересмотр определения «грязных активов» с учетом того, что для терроризма деньги стали «средством достижения цели, а не самоцелью».

Глобальный экономический кризис 2008 года, многочисленные расследования в связи с экономическими и финансовыми преступлениями стали новым поворотным моментом в погоне за криминальными денежными средствами.

Существует определенная согласованность в том, что конфискация в последнее время используется более широко и агрессивно, чем когда-либо, и против беловорничковой преступности.

В рамках рассуждений о поиске более эффективных механизмов конфискации необходимо отметить, что первоначально лишение преступного имущества осуществлялось в глобальном масштабе посредством традиционных процедур «уголовной конфискации», которые допускают лишение незаконных экономических преимуществ обвиняемого после его осуждения за конкретное (совокупное) преступление. Основанная на осуждении форма конфискации, которая может быть описана как *actio in personam* (в отношении лица) в противоположность *actio in rem* (в отношении вещи), предписывается судом в качестве части приговора преступнику в отношении имущества, которое, как доказано, связано с преступлениями, в которых он был признан виновным.

Однако классическая форма конфискации быстро оказалась недостаточной, если не сказать неэффективной. С одной стороны, во многих западных странах отсутствует прокурорская культура, направленная на конфискацию подобных активов, и, как следствие, не обеспечивается исполнение таких постановлений. Что еще более важно, истинные пределы «стандартной» конфискации на основе обвинительного приговора обусловлены различными факторами, среди

которых сначала трудность обеспечить уголовное осуждение идентифицированного лица, а затем необходимость доказать связь между имуществом, подлежащим конфискации, и преступлением, за которое лицо было осуждено. Кроме того, очевидные бюджетные и временные ограничения, связанные с расследованием и судебным преследованием, значительно затрудняют успех государственных органов в деле лишения преступников их незаконного имущества.

Нельзя не забывать и о таком инструменте, как расширенная конфискация. Она представляла собой одну из наиболее быстро развивающихся новых форм лишения с целью облегчения процесса возвращения незаконного имущества.

Термин «расширенная конфискация» относится к имуществу, не только связанному непосредственно с преступлением, за которое лицо было осуждено, но также к имуществу, выходящему за рамки прямых доходов от преступления. Такая конфискация является весьма практичной, когда речь заходит о преследовании серьезных и организованных преступлений, которые редко заключаются в «одноразовой» деятельности. Оценка суммы и обнаружение доходов, как правило, является очень сложной задачей. Порой государственные органы сталкиваются с нехваткой навыков и ресурсов.

Сторонники расширенной конфискации часто отмечают, что осужденному преступнику легче доказать законность происхождения своих активов, чем обвинению доказать их незаконный характер.

Расширенная конфискация действительно облегчает задачу правоохранительных органов по доказыванию незаконного характера активов с помощью менее строгих судебных процедур, чем стандартный подход к конфискации на основе обвинительного приговора. Хотя она предписывается в рамках уголовного судопроизводства, расширенная конфискация считается не наказанием, а дополнительной санкцией, предписываемой в рамках процедуры вынесения приговора.

В последние два десятилетия применение инструментов возвращения активов, основанных на презумпциях, неуклонно растет и, как ожидается, станет общей чертой законодательства о конфискации, особенно в рамках Европейского Союза.

Наконец, нельзя не забывать и о существовании конфискации без вынесения обвинительного приговора. Она допускает лишение активов независимо от какой-либо предварительной судимости. Эта форма конфискации преступного имущества исторически базировалась на фикции, что само имущество «виновно» в противоправной деятельности (таким образом, было предъявлено как *actio in rem*, то есть «против вещи»). Однако идея о том, что собственность может быть рассмотрена виновный в преступлении звучит странно и неоднозначно.

Более современные концепции конфискации *in rem*, появившиеся в США, в качестве оснований для вынесения постановлений, не основанных на осуждении, выделяют превентивные и исправительные функции конфискации, а именно предотвращение использования активов для совершения дальнейшей противоправной деятельности и/или для восстановления *status quo ante* на основе теории несправедливого обогащения и идеи о том, что преступник не имеет никакого права на неправомерно полученные доходы.

Одним из главных достоинств такого механизма с точки зрения правоприменения является отсутствие требования о какой-либо предварительной судимости до начала процедуры конфискации: актив отделен от своего владельца, и конфискация не обусловлена предварительной ответственностью какого-либо лица. Таким образом, конфискация может

быть произведена в рамках менее строгих судебных процедур, чем уголовное судопроизводство, поскольку единственным бременем для органов прокуратуры является доказательство того, что имущество связано с противоправной деятельностью. Кроме того, бремя доказывания, которое должны нести правоохранительные органы, лежит на более низком уровне, чем обычно требуется в уголовных делах, поскольку производство ведется вне системы уголовного правосудия.

Конфискация без осуждения становится все более популярной во всем мире. На сегодняшний день такой подход к возвращению активов в основном присутствует в юрисдикциях общего права. Тем не менее прогнозируется, что в будущем такой подход распространится и на другие юрисдикции, учитывая общепризнанные пределы уголовной (следовательно, основанной на осуждении) конфискации.

Конфискация является стратегическим приоритетом в борьбе Европейского союза с организованной преступностью. Однако, по сравнению с другими наднациональными институтами (такими как ООН, ФАТФ и Совет Европы), ЕС потребовалось некоторое время, чтобы принять законодательные документы, касающиеся подхода к возвращению активов. После принятия в 1998 году совместных мер по борьбе с отмыванием денег, замораживанием и конфискацией ЕС принял в начале 2000-х годов ряд документов, направленных на гармонизацию законодательства и укрепление сотрудничества между государствами-членами по этому вопросу. Это прежде всего рамочные решения об отмывании денег (2001 год), о замораживании и конфискации, о замораживании имущества или доказательств (2003 год), о взаимном признании постановлений о конфискации (2006 года); о сотрудничестве между органами по возвращению активов (2007 год). Основное внимание в правовой базе ЕС было направлено на гармонизацию механизмов конфискации, усиление взаимного признания замораживания и конфискации решений и содействие горизонтальному сотрудничеству между государствами-членами в отношении процесса возвращения активов.

Тем не менее, наиболее современным инструментом ЕС на сегодняшний день является директива 2014/42/ЕС о замораживании и конфискации орудий и доходов от преступлений в Европейском союзе. Она не меняет ландшафт правовой базы ЕС, поскольку она лишь заменяет совместные действия 1998 года и ограниченные диспозиции. Все документы, которые были приняты в 2000-е года, остаются в силе в соответствии с рамочными решениями 2001/500/ЈНА и 2005/212/ЈНА.

Директива далека от того, чтобы революционизировать ландшафт конфискации в ЕС. В документе основное внимание уделяется материально-правовой концепции конфискации. Приоритетной задачей директивы является гармонизация и установление минимальных правил расширенной конфискации и конфискации у третьих лиц.

Приоритет директивы 2014/42/UE ясен – обеспечить уникальную и согласованную концепцию расширенной конфискации на основе осуждения. Многие государства-члены уже включили такую модель в свое законодательство до принятия директивы. Тем не менее еще предстоит выяснить, какова будет общая эффективность этого механизма. В конце концов, расширенная конфискация (в ее европейском понимании) действительно требует предварительного осуждения лица, то есть доказательства его вины за определенный набор преступлений, выходящих за рамки разумного. Такая предпосылка неоднократно указывалась как препятствие на пути эффективного возвращения активов. Таким образом, на уровне ЕС уже предпринимаются шаги по переходу к моделям конфискации, не основанным на вынесении обвинительного приговора.

Можно задаться вопросом, не порождает ли это презумпцию вины, поскольку конфискацию в таком случае можно связать с тем фактом, что первоначальное разбирательство могло привести к осуждению по уголовному делу. Утверждалось даже, что невозможно определить, должны ли конфискационные процедуры, установленные в статье 4(2) директивы, классифицироваться как уголовные (или неуголовные) по своему характеру в соответствии с критерием Ангеля.

Пункт 15 Директивы добавляет еще больше путаницы, заявляя о возможности заочного разбирательства. Заочное разбирательство традиционно понимается как возможность для судьи осудить подсудимого, который не явился в суд, а, следовательно, не защищался. В такой ситуации постановление о конфискации, которое следует за установлением вины, является обвинительным.

На сегодняшний день ЕС не смог реализовать истинную общеевропейскую модель конфискации без вынесения обвинительного приговора. Европейский союз в основном сосредоточил свое внимание на гармонизации механизмов конфискации и укреплении сотрудничества между государствами-членами.

В отсутствие гармонизированного законодательства о конфискации без вынесения обвинительного приговора (поскольку директива теперь предусматривает гармонизированную модель расширенной конфискации) национальные власти будут по-прежнему сталкиваться с препятствиями, когда речь заходит об осуществлении трансграничных требований.

Ряд государств-членов все еще отказывают в такой просьбе на основании существующей несовместимости этой меры с их правовыми традициями; другие же принимают и выполняют это требование. В настоящее время все сводится к общению между соответствующими органами власти, чтобы облегчить сотрудничество между государствами-членами.

Заключение

В целом, то, что наблюдалось в течение последних пяти десятилетий, – это быстрая эволюция политика борьбы с преступностью, направленная на лишение имущества, связанного с преступной деятельностью. Столкнувшись с низкой эффективностью традиционных форм конфискации, законодатели придумали новые эффективные способы возвращения активов, которые вызвали, в том числе, снижение процессуальных гарантий. Отнюдь не желая углубляться в этические и легитимные соображения, следует подчеркнуть, что существует отрицательная корреляция между процессуальной эффективностью механизмов лишения свободы и фундаментальной защитой, которую они гарантируют. Таким образом, последние десятилетия стали свидетелями прогрессирующего снижения защитных механизмов ради повышения эффективности, когда речь заходит о преследовании преступной собственности. Такое наблюдение следует принимать во внимание, чтобы избежать чрезмерно усердных стратегий возвращения активов и найти необходимый баланс между эффективным и справедливым реагированием на преступность.

Библиография

1. Dorn, N., Murji, K., South, N.: *Traffickers. Drug Markets and Law Enforcement*. Routledge, London (1992)
2. Feldman, D.: A survey of English forfeiture law. In: Food, S. (ed.) *Illicit Drugs and Organized Crime: Issues for a Unified Europe*, pp. 25–27. Office of International Criminal Justice, Chicago (1991)
3. Fernandez-Bertier, M.: Targeting criminal proceeds: a call for equilibrium between efficiency and respect of human rights. In: Hoc, A., Wattier, S., Willems, G. (eds.) *Human Rights as a Basis for Reevaluating and Reconstructing the*

- Law, Bruylant, Brussels (2016)
4. Fernandez-Bertier, M.: The history of asset deprivation: from the Book of Exodus to the war on whitecollarcrime. In: Ligeti, K., Simonato, M. (eds.) *Chasing Criminal Money in the EU: New Tools and Practices*. Hart Publishing, Oxford (2016). Forthcoming
  5. Finkelstein, J.: The goring ox: some historical perspectives on deodands, forfeitures, wrongful death and the Western notion of sovereignty. *Temple Law Q.* 46, 257 (1973)
  6. Gallant, M.: *Money Laundering and the Proceeds of Crime*. Economic Crime and Civil Remedies. Edward Elgar Publishing, Cheltenham (2005)
  7. Harvey, J.: Asset recovery: substantive or symbolic. In: King, C., Walker, C. (eds.) *Dirty Assets. Emerging Issues in the Regulation of Criminal and Terrorist Assets*. Ashgate Publishing, Surrey (2014)
  8. King, C., Walker, C.: Emerging issues in the regulation of criminal and terrorist assets. In: King, C., Walker, C. (eds.) *Dirty Assets. Emerging Issues in the Regulation of Criminal and Terrorist Assets*, Ashgate Publishing, Surrey (2014)
  9. Montaldo, S.: Directive 2014/42/EU and social reuse of confiscated assets in the EU: advancing a culture of legality. *New J. Eur. Crim. Law* 6(2), 195–212 (2015)
  10. Simonato, M.: Directive 2014/42/EU and non-conviction based confiscation: a step forward on asset recovery? *New J. Eur. Crim. Law* 6(2), 213–228 (2015)

Confiscation and recovery of criminal property: the current state of the European Union

Evgeniya A. Zotova

Postgraduate Student
Department of Economic Security and Risk Management,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: EAZotova@fa.ru

Dmitrii A. Nikolaev

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Security
and Risk Management,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: DNikolaev@fa.ru

Stella S. Feshina

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Security
and Risk Management,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SSFeshina@fa.ru

Abstract

Since the end of the XX century, criminal policy has undergone significant changes, defining a

---

new vector of global efforts in the fight against crime. These anti-crime strategies abandon traditional approaches to combating illegal behavior in favor of a new paradigm shift towards an asset recovery strategy. The newly created mechanisms are aimed at combating criminals where they suffer most, that is, with their property, so that crime does not pay off. This article briefly analyzes the birth and evolution of modern confiscation mechanisms, as well as the prevailing models of effective recovery of criminal property and the current state of affairs in this issue in the European Union. The authors also focused on the issue of the presumption of innocence in making decisions on extrajudicial confiscation of property, identifying this problem and approaches to its understanding in the United States and the European Union.

For citation

Zotova E.A., Nikolaev D.A., Feshina S.S. (2020) Konfiskatsiya i vzykanie prestupnogo imushchestva: sovremennoe sostoyanie Evropeiskogo Soyuza [Confiscation and recovery of criminal property: the current state of the European Union]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (10A), pp. 369-377. DOI: 10.34670/AR.2021.32.36.044

Keywords

Asset recovery, extended confiscation, non-conviction confiscation, civil confiscation, unexplained wealth, mutual recognition, European Union.

References

1. Dorn, N., Murji, K., South, N.: *Traffickers. Drug Markets and Law Enforcement*. Routledge, London (1992)
2. Feldman, D.: A survey of English forfeiture law. In: Food, S. (ed.) *Illicit Drugs and Organized Crime: Issues for a Unified Europe*, pp. 25–27. Office of International Criminal Justice, Chicago (1991)
3. Fernandez-Bertier, M.: Targeting criminal proceeds: a call for equilibrium between efficiency and respect of human rights. In: Hoc, A., Wattier, S., Willems, G. (eds.) *Human Rights as a Basis for Reevaluating and Reconstructing the Law*, Bruylant, Brussels (2016)
4. Fernandez-Bertier, M.: The history of asset deprivation: from the Book of Exodus to the war on white collar crime. In: Ligeti, K., Simonato, M. (eds.) *Chasing Criminal Money in the EU: New Tools and Practices*. Hart Publishing, Oxford (2016). Forthcoming
5. Finkelstein, J.: The goring ox: some historical perspectives on deodands, forfeitures, wrongful death and the Western notion of sovereignty. *Temple Law Q.* 46, 257 (1973)
6. Gallant, M.: *Money Laundering and the Proceeds of Crime. Economic Crime and Civil Remedies*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham (2005)
7. Harvey, J.: Asset recovery: substantive or symbolic. In: King, C., Walker, C. (eds.) *Dirty Assets. Emerging Issues in the Regulation of Criminal and Terrorist Assets*. Ashgate Publishing, Surrey (2014)
8. King, C., Walker, C.: Emerging issues in the regulation of criminal and terrorist assets. In: King, C., Walker, C. (eds.) *Dirty Assets. Emerging Issues in the Regulation of Criminal and Terrorist Assets*, Ashgate Publishing, Surrey (2014)
9. Montaldo, S.: Directive 2014/42/EU and social reuse of confiscated assets in the EU: advancing a culture of legality. *New J. Eur. Crim. Law* 6(2), 195–212 (2015)
10. Simonato, M.: Directive 2014/42/EU and non-conviction based confiscation: a step forward on asset recovery? *New J. Eur. Crim. Law* 6(2), 213–228 (2015)